

Владимир АРХАНГЕЛЬСКИЙ ЦАРСКОЕ ДЪЛО

Часть третья

Продолжение.
Начало — в №№ 3, 6

В 2000 году на основании аргументации, приведённой в докладе председателя Синодальной комиссии по канонизации святых митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Архирейский собор Русской православной церкви причислил Царскую семью к лику Святых страстотерпцев в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Приведём отрывок из этого доклада: "В богослужебной и житийной литературе Русской православной церкви слово "страстотерпец" стало употребляться применительно к тем русским святым, которые, подражая Христу, с терпением переносили физические, нравственные страдания и смерть от рук политических противников. В истории Русской церкви такими страстотерпцами были святые благоверные князья: Борис и Глеб (†1015), Игорь Черниговский (†1147), Андрей Боголюбский (†1174), Михаил Тверской (†1319), царевич Димитрий (†1591). Все они явили высокий образец христианской нравственности и терпения".

Исторические персоналии из приведённой выше цитаты доклада митрополита Ювеналия объединяет несколько важных качеств. Они принадлежали к роду законных носителей власти. Их смерти сопровождалась длительными кровопролитными смутами и войнами (либо же эти войны и смуты — вызывали). Подвиги этих святых влияли на глубинную жизнь русского народа, выковывали нравственные основы нашей государственности. (Обстоятельства гибели постигшегося в монахи князя Игоря Черниговского в период противостояния Ольговичей и Мономашичей не так хорошо известны широкой публике, но тем не менее полностью соответствуют вышеприведённому утверждению). Страстотерпцы дали народу "путеводную нить" святости в её предуганной хранительнице — власти. Поэтому на Руси туго приходилось любому правителю, который желал земной власти любой ценой.

Церковные и светские толкователи стали трактовать чин страстотерпцев как "убитых своими". То есть — претензий к внешним врагам по их гибели нет. Случай убиенного Николая Второго явно выбивается из этого ряда. Приказ об убийстве Романовых поступил из Америки, из кругов Фининтерна. В подоснове своей он имел замысел присвоения русского царского золота, ставшего впоследствии основой Федеральной резервной системы. Многие люди не понимают, что в руках ФРС сейчас сосредоточена невиданная со времён Вавилонского столпотворения централизация власти. Мировые СМИ, рейтинговые и консалтинговые агентства, инвестиционные фонды — всё это связанные между собой элементы глобальной долларовой инфраструктуры. Может быть, кто-то облегчённо вздохнёт: ах, ну и пусть миром правят не цари, а бухгалтеры. Присмотримся повнимательнее к этим "бухгалтерам", к некоторым представителям Фининтерна, фамилии коих на слуху. Например, Опенгеймеры, банк которых открыто работал в Третьем рейхе до 1944-го, там же действовала и их ставка ассиро-вавилонских древностей. А занимались они Вавилоном куда углублённее, чем требовала археология. Их интересовали древние культы проклятого в Библии царства, имя которого стало нарицательным. У древних ассирийцев присутствовало поклонение "говорящим головам". Смысл культа сводился к тому, что отрубленной голове клали под язык золотую пластинку с именем демя и она начинала "пророчествовать". Чем выше был статус обладателя головы, тем сильнее она ценилась. Такое действие было запрещено Законом Моисеевым ("Второзаконие", 18, 9—16). Проклятые имели интерес и к другому "протиплотному царству", именуемому в Библии не иначе как "тыма Египетская". На их деньги была снаряжена экспедиция, обнаружившая гробницу Тутанхамона. Знакомый с Ротшильдами Зигмунд Фрейд буквально жил внутри древнеегипетской культуры: его кабинет был уставлен архайчными артефактами. Любопытнейший пример интереса к архайческим культам представлял собой экспедиция Майкла Рокфеллера в Новую Гвинею в 1961 году. Молодой наследник империи Рокфеллеров занимался страстиванием племён и выкупом у них черепов-амулетов убитых врагов; он предлагал за них огромную цену — несколько стальных топоров. Эта "щедрость" погубила Рокфеллера: папуасы поняли, что голова столь богатого человека тоже имеет огромную ценность и превратили череп самого исследователя в амулет. Голова-амулет в представлениях аборигенов давала владельцу силу убийто и лишила его возможности отомстить из иного мира. Представивший соплеменникам голову врага получал право вступить в брак. Это — представления дикарей, а вот зачем эти головы понадобились Майклу? Вышеприведённые беглые примеры говорят нам о том, что для тесно переплетённых браками мира крупного капитала увлечение извержками культами вовсе не является редкостью. Да и непосредственная причастность мирового Фининтерна к развязыванию двух мировых войн (и "холодной войны") не удивляет: на это способны только полностью "расчеловеченные" люди.

Ещё один пример, теперь уже из близкого нам действительности. На рубеже нового тысячелетия в один из православных центров реабилитации жертв тоталитарных сект пришла женщина, которая просила присоединить её к православию, так как муж вовлек её в некое тайное общество, где приходилось проходить омерзительные ступени познательного посвящения. Очередной этап требовал принесения в жертву одного из своих детей. Она не смогла. Женщина утверждала, что её муж занимает весьма высокую должность.

Новь поднятое Дело Соколова об убийстве Царской семьи говорит о том, что мы опять находимся на переломе эпох. Некоторые знамения этого уже явлены человечеству. Невидимая рука вновь пишет слова владыкам Нового Вавилона: "Мене, мене, текел, уссарин". В 2001 году в день Усекновения

главы Иоанна Предтечи была произведена атака на Всемирный торговый центр. Нью-Йоркский ВТЦ — это не место, где торгуют модными шмотками, это крупнейший центр мировой биржевой торговли. Широко распространено мнение, что за этим ударом стояли консервативные круги промышленного бизнеса и спецслужб. Он должен был парализовать вотчину Фининтерна — круглосуточную глобальную биржевую торговлю, ёмкость которой превышает ВВП всех государств планеты. Результат достигнут не был. Убийство Иоанна Пророка, согласно православному преданию, явилось началом конца лжецаря Ирода и всей его семьи.

В 2007 году начинается финансовый кризис в США, именуемый ещё "крахом "Леман Бразерс"". Компания является не чем иным, как историческим продолжением банка "Кун, Лёб и К", глава которого некогда отдал приказ на уничтожение Царской семьи.

В 2014 году Обама останавливает печатный станок США, с помощью которого ФРС опутала всё человечество, включая сами США, сложной системой долгов. Работать это детище банкиров в прежних объёмах больше не может.

"Истинно говорю вам, и в Израиле не нашёл Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возягут за Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов".

(Мф. 8: 10—12)

"Эмалевый крестик в петлице
И серой тулужки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бедны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны..."

Георгий ИВАНОВ

ОБНУЛЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

В издательстве "Вече" вышел роман нашего великого современника Владимира Личутина "В ожидании Бога". Роман писался с 2011-го по 2016 год, а охватывает собой период русской жизни с семидесятых годов прошлого века по двухтысячные или, как их ещё любят называть у нас, нулевые. В слове "нулевые" таится много чего: первое и на поверхности — "никакие", но и "обнуление" тоже маячит. Уж очень хотели что-то обнулить запустившие это словечко: не весь ли XX век нашей истории — с его потом и кровью, славой и позором? С его нераскаянными злодеяниями и оплывающими завоеваниями? Но... не получилось.

И вот к столетию Цареубийства появляется новый роман писателя. Он — о художниках. В русской литературе были попытки приблизиться к постижению этого

был сирота, бездомный еврей без родовой крыши над головой, под которой можно было укрыться от напастей и житейских невзгод. Где найти державы чудному живописцу от неистребимой мысли, что всё в мире временно, всё суета сует и томленье духа? Вот и писал со слезами на глазах; незамирающая печаль иссушала, отравляла ему праздник жизни, даже если и оказывался художник по случаю в середине его. И потому столько последователей у Левитана, и так мало их у Шишкина с его могучим радостным гимном матери сырой земле..."

ПОЛУКРОВКИ В ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ

Разумеется, споры русских художников и литераторов позднесоветного и раннеперестроечного времени куда как актуальнее сегодня. Например, о "русском" и "нерусском" в нашей действительности.

Сегодня это уже даже и не действительность (как было раньше), а какая-то самоорганизация на уровне программы и манифеста. Время полновинных — и в жизни, и в литературе. Где автобиографическое даже в именах: Джон Половинкин, Гамлет Хай-

Алексей ШОРОХОВ

ГАННИНА И ЛЕСТВИЦА К НЕБЕСИ

Новый роман Владимира ЛИЧУТИНА к столетию цареубийства

ской непричастности самих непонимающих к этому феномену, их общая судьба с Россией ограничивается XX веком.

В современной политической, экономической, культурной элите России, действительно, удивительно много полукровок.

Вывод из недавней статьи политехнолога адресован непосредственно российским полукровкам. Сформулировать его можно так: сама страна — "полукровка", да ещё и они в ней — полукровки. Получается — полукровки "в квадрате", даже "в чёрном квадрате". Потому что страна со своей культурой, историей, верой, в которой они живут, — для них и есть чёрный квадрат, намалёванный когда-то Малевичем в красном углу на месте порушенных икон. Отсюда и голый-могиль-центр, и вся та непередаваемая, чудовищная русофобия, имя которой уже — целый XX век.

Другой вывод: если всё и дальше будет так же — будет пиар, будет постмодерн в политике, с сопутствующим обнищанием государствозобразующего народа и "пенсичной реформой", то число долларовых миллиардеров будет расти.

Что ж, Запад их не принял. Офшоры, яхты и футбольные клубы не помогли (Збигнев Бжезинский: "Это не ваша элита, это уже наша элита"); но и в Азию — ни-ни! Там Китай, там расстреливают олигархов и проворовавшихся чиновников, там... даже подумают страшно, особенно перед сном... Поэтому "мы пойдём своим путём" (где-то это я уже слышал), третьим путём, назовём его "суверенным".

Только вот времена всё более и более грозные, страшен реализм, как говорил персонаж Достоевского. Не заиграйтесь, господа. На ухабах русской истории и не такие ловкачи вылетали из пилы-троейки на полном скаку, да и терялись в пыли от её копыт — даже имя их исчезало навеки. Надо посерьёзней как-то.

И если серьёзно, выход из этой ситуации представляется только один: воцерковляйтесь и обрусевайте, как Пастернак ("родным войду в родной язык") или Михаил Тарковский... А если не получается или коробит, сбережений у вас достаточно, счетов на Западе тоже. Дальше — сами знаете...

ПОРТРЕТ С ВЫКОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ

Но это в сторону, хотя и лежит в русле ежeminутных личутинских мыслей и интуиций о России и русской культуре. Есть вещи и поважнее "мыслей о культуре".

Не случайно, что роман "В ожидании Бога" случается в столетнюю годовщину убийства Царской Семьи. И это — основная сюжетная линия романа. Потому что нигде (!) я не встречал столько муки, столько безомногого крика и надрыва души об этом страшном злодеянии, как у Личутина. Да простят мне сравнение — на ум приходит только старец Николай Залитский и его воинствующий с этим вневременным злом "непокой", где вот так же через всю жизнь и молитву сияет непрекращающаяся боль о екатеринбургском сатанинском действе.

И новый роман Личутина — это одна сплошная мука: почему, почему, Господи? Вспоминаю слова Спасителя — во всей России не нашёл я такого покаяния, как в мятущейся, плачущей, вопрошающей этой книге!

Главный герой романа, писатель Николай Янин, удивительно, я бы даже сказал, промыслительно похож на последнего русского императора. От имени до внешности. Он эту внешность вовсе эксплуатировал, носит даже такую же бородку, почему и зовут его друзья Коля Царь. А в друзьях у него, по Личутину, всё те же выдуманные живописцы да всамделишные писатели.

Рахаманин сказал однажды: не родился трюны услия, чтобы не растянуться на ровном месте, кривое выпрямить, не податься посулам, не свернуть за бесами. Они испытывают тебя на крепость, чтобы после кулпыт подачами. А ты, Коля, к несчастью своему в бутылку спрятался, в вине нашёл себе спасителя. Если ошибаюсь, извини, старичок.

И всё-таки Николай Александрович, самодержец наш, был не самый плохой человек в России, если сослаться, слуги антихристовы, отняли у него жизнь.

...Может, всё напелл Рахаманин, сплутал по обыкновению божий дар с яичницей, ведь я толк как сокол, — думает дальше Николай Янин, — а царь Николай имел всё, и это всё потерял одним часом на станции Дно: власть, государство, народ, жену, будущее детей и саму жизнь. Вся история отречения третьего марта семнадцатого года заняла сорок пять минут. Пришли два наглых прохвоста, масоны Гучков и Шульгин, и заставили написать отречение, якобы в пользу брата Михаила. А ведь у Николая в услугах была армия, охрана, сыщики, верные черносотенцы, двор, поклонники из низов, жандармы, ар-

хиереи, хоругвеносцы, да и сам Отец с Сыном, и Святый Духом стояли за него щитом, ибо был Государь наместником Бога на земле... Но не прошло и часа, как всё разаялось, словно дым, мара и кудеси, будто волшебный напуск и чары; власть оказалась миражом, в котором пропагли, как ветром сдуло, три века династии, полководцы, марши, привилегии, богатство, латифундии, золото и алмазы...

Всё стремительно покатилося с горки, заколебалось, утратило жизненный смысл и путеводную нить, при царском Дворе "окаянные", потерявшие всякий разум, принялись неистово звать революцию, кричать скорых перемен, носить под окнами Зимнего красные флаги и алые банты в петлицах, призывая кровь и насилие...

Наверное, рассчитывали-де спасёт Николай двоюродный братец, английский король Георг Пятый, удивительно похожий обликом на русского самодержца, ну прямо копия, да начались интриги при дворе, наступили на родственную мозоль Ротшильды (еврейские ростовщики), для кого русская монархия — кость в горле; запудрила и не проглотнул; вот и не спадилось освобождение государи из рук "февралистов". Еврейский фунт стерлингов оказался

куда весомее родства, вековых преданий, сострадания, той русской жалости, которая куда сильнее закона и самой правды...

И всё-таки виден отблеск святости на челе убиенного монарха, нечто такое необыкновенное в трагической его судьбе, что затуманивало русское сердце захлебнувшись жалостью, а неискушённый престонародный ум — изумлением и негодованием к погубителям. И тут невольно воскликнешь: братцы, а за что-о казнили?! Ведь не простой был, в сущности, человек, а обошлись, как с земной тварью, с таким презрительным унижением и садистским наслаждением, что вздрогнешь в недоумении: а какой сатанист посмел на такое решиться?! Так небрежно, с издёвкой и глумлением растоптали семью самодержца, и вот сама казнь невольно исполнится неким скарпальным неземным светом, указывая путь к церкви множества, в общем-то, равнодушных, слабых в православной вере людей".

В этих постоянных вопрошаниях и боли о происшедшем и бёбсе сюжетная линия романа. Основной, поворотный для многих героев повествования момент в книге происходит после пожара в мастерской одного из художников — Горыни. Мастерская ли в центре города, слава ли и успех "мазилки", духовные ли поиски Горыни тому виной, но его мастерская со всеми работами за многие годы сгорает. Всё свидетельствует о поджоге. Художник и его семья остаются буквально ни с чем. Уцелел только один портрет Государи в момент отречения.

...Портрет русского императора с выколотыми глазами и дыркой во лбу притягивал взгляд. Царь Николай Второй стоит у окна, влопоборота, с опаской дожидаясь встречи с неверными, которую не избежать. Сейчас придут за отречением; уже не могут ждать, припекло чертей; уже копья стучат. Несчастная государины, бедные дети... Душа плачет, отнимает всякую дерзость, мужество и отвагу. Всю ночь молился, стоял на коленях, просил совета у Господа; Он сказал, откажись, не по сенке шапка... Отсюда и нерешительность, шаткость во всей фигуре, в окне багровый закат, внизу — чугуная недвижная река. Наверное, до него уже донесли вести о близкой беде. Иначе откуда бы взялся признание: "Всюду трусость, предательство и обман".

Но, увы, судьба всероссийского Отца родимого уже была тайно вырешена за окнами, но мало кто знал на Руси о мерзкой кошуне, затеянной придворными "амфибенсами" и ростовщиками. Мировые "хамениции" утвердили приговор, накидали на бумагу сурчужных печатей, чтобы выглядело всё законно, и дело стало лишь за палачами, которых торпелло отыскивали на задворках Европы английские менялы. Даже во Дворце за царя перестали молиться, так нестерпимо захотелось от него избавиться и получить должданный волю и денежную мзду; и пастиры скоро, опоенные ядовитым зельем неверия, отшатнулись от своего помазанника, перестали поминать на молитве, перекрыли колоды церкви.

...И вот кури уже взведены, и ружья изготовлены к убийству царской семьи; нужна лишь решительная натура, готовая в последнюю минуту отвести ствол. Где они, куда попятятся эти жертвенные молитвенники, готовые свою жизнь положить за русского короля? В каких чащобах заблудились "черносотенные фаланги" под имперскими стягами? Какое-то окаянное непробудное "очарование" вдруг накатило на Русь, и многие, скоро упав духом, приглотились испить смертную круговую чашу. Ещё не начиналось сражение, а они уже возлегли на одр, скрепив на груди руки. В рай заспешили, в рай... А другие бросились бежать стремглав за бугор...

На недвижной чугуной реке в углу холста Янин разглядел вроде бы случайные невнятные слова: "Мене, текел, фарес". Горыни ли нацарапал пророчество иудеев в пьяном уме, или чужая умышленная рука вдруг напомнила о себе, прежде чем сжег мастерские? Что-то подобное было написано на стене Ипатьевского дома после казни гнезда Романова, когда отправили в "господстве покои" батьку с маткой и всё гнездо...

И в этом самом портрете (за рамой) найдут приятели забытую зачанку на чёрный день, тысячу зелёных заоканских бумажек, да только не пойдёт она художнику Горыне впрок (тут уж привет Николаю Васильевичу Гоголю с его "Портретом") — покатались художник с этих самых денег вниз да по наклонной, поедет рисовать портреты европейских заправил, сытно заживёт... тоскливо. Может та же рука, что сожгла мастерскую и глаза Государию на портрете выколола, и деньги эти проклятые подбросила? Личутин не уточняет.

А сам Янин, Коля Царь, так неудачно примерившийся к себя судью последнего русского самодержца, лишился глаза от снайперской пули и едва выживет в толпе новой русской революции — в Октябре 1993 года.

Но и это пройдёт, всё успокоится, быльём порастёт, новыми заборами от старого мира отгородится, и останется в конце романа, так же как и в его начале, только одно: что же произошло в ту страшную июльскую ночь в подвале дома Ипатьевых в Екатеринбурге? Почему это так болит и не отпускает душу русскую? Почему, Господи?

таинственного дарования Божьего — живописания. Мистические ("Портрет" Гоголя), неоконченные ("Чёртова куклы" Лескова), никакие — у Чехова... Но, в общем-то, мир литературы и мир красоты и эстетики существовали в нашей словесности параллельно (к слову сказать, у иноземцев здесь задолго поболее: от Уайльда и Джойса до Памука включительно).

Личутину удалось всё: характеры русских живописцев (собирательные образы наиболее ярких наших художников конца XX века: кто-то разглядит Зверева, кто-то найдёт Шемякина, кому-то пойдут судьбы Глазунова и Шилова), их "мятежны" и непокой, споры до четвёртых петухов, антисоветчина и богоискательство, портреты партийных бонз и утрение побуды в вытрезвителе. Жизнь. Настоящая, да самая. Кто помнит. Позднесоветская. Как казалась — жизнь в преддверии чего-то большого. Как казалась...

"Художнику" братию наш классик смело разбавляет писателями, как выдуманными (главный герой романа — литератор Николай Янин), так и всамделишными: Юрием Кузнецовым, Станиславом Куняевым, Александром Прохановым. Да и сам Личутин где-то там, на заднем плане, с рюмкой в руке порой просаживает, даже в споры ввязывается — куда ж без этого...

Но даже если бы удалось взять весь мёд и горечь этого романа и смешать с типогарской краской и электронными жидкокристаллического экрана компьютером — всё равно дальнейший разговор об этом чуде будет пустым. Неудивительным. Ненужным. Как-то даже неудобно становится за сорокалетними собратями (я уж не говорю про тридцатилетних), когда читаешь Личутину. Семидесятивосьмилетнего. И в то же время — радостно. Радостно, что он есть, он рядом, страдает, думает, кричит, плачет...

"Горныо называли вторым Левитаном, предвосхищали ему великое будущее, но в картинах Исаака Левитана всю душевное запечатлённой природы переживала, когда тебе горько, тоскливо, внутренне неустойно и болезненно, когда постоянно точит, иссушает хворь? Да, Левитан был пропитан сыновней нежностью к божьему, так прекрасно, так пречудно, устроенному миру, но художника изъедала чехотка; он

Печаль заразительна, как эпидемия холеры, она овладевает окружением, не спрашивая на то дозволения. Радость же требует объяснения, душевной спяночки; ведь радоваться за ближнего — крайне трудно, надо носить в себе особое родственное, любовное неискующее благоволение. А как писать радостные картины, когда тебе горько, тоскливо, внутренне неустойно и болезненно, когда постоянно точит, иссушает хворь? Да, Левитан был пропитан сыновней нежностью к божьему, так прекрасно, так пречудно, устроенному миру, но художника изъедала чехотка; он